

**Церковнославянская языковая система: особенности
эволюции¹**

Церковнославянский² (далее – цсл.) язык на всем протяжении своего существования и развития играл в первую очередь роль богослужебного языка; в качестве средства повседневного общения (межличностной коммуникации – см. [Конецкая 1997: 178–199]) он не использовался³. Это обстоятельство имеет далеко идущие последствия: многие привычные схемы, справедливые для описания большинства языков, оказываются неверными в приложении к цсл.⁴ С другой стороны, тот факт, что на цсл. языке в настоящее время продолжают появляться все новые и новые тексты⁵ (с начала 1990-х гг. в России – и не только – наблюдается всплеск гимнографического творчества), не позволяет говорить об этом языке как о мертвом (по крайней мере в том смысле, в каком мы говорим о хеттском, умбрском или полабском⁶): появление новых текстов предполагает возможность изменений в языке⁷. Следовательно, необходима разработка теоретической базы для адекватного описания цсл. языка, которое

¹ Исследование выполнено в рамках проекта 10002–251/ОИФН–01/242–239/110703–1047 от 20 мая 2003 г.

² Под цсл. языком мы, вслед за Е. М. Верещагиным, понимаем язык, созданный свв. Кириллом и Мефодием, распространяя употребление данного термина на всю историю этого языка ([Верещагин 1997: 297]); ср. также [Толстой 1988: 34–52]; [Пиккио 1995: 135–136].

³ Впрочем, в XVI в. в Юго-Западной Руси и в XVII в. в Московской цсл. мог выступать в качестве разговорного языка интеллектуальной элиты (см. [Успенский 1988: 311–312, 377–384]). Такое употребление, обычно рассматриваемое как искусственное, при благоприятных условиях вполне могло перерасти в функционирование цсл. в качестве литературного языка, обслуживающего как церковную, так и светскую культуру, – все необходимые предпосылки для этого имелись. Однако возобладали иная, противоборствующая тенденция, и в Петровскую эпоху (не в последнюю очередь благодаря самому Петру) было провозглашено отталкивание от цсл. в сторону «простого» языка. В частности, неприменимо к цсл. языку следующее утверждение Ф. де Соссюра: «...в языке каждый принимает участие ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Этого одного основного факта достаточно, чтобы показать невозможность в нем революции» [Соссюр 1999: 74]. В цсл. языке, как хорошо известно из истории, революция (реформа) вполне возможна.

⁵ См., напр., обзор акафистов: [Людоговский 2003: 262–316; 2004]; обзор минейных служб: [Людоговский 2003б].

⁶ Ср. [Иванов 1989].

⁷ Таким образом, представляется возможным говорить о современном цсл. языке. См. подробнее [Людоговский 2003в]; см. также [Людоговский 2003: 16–17].

отражало бы его социолингвистическую специфику в сравнении, например, с русским литературным языком как ближайшим соседом по языковой ситуации.

Данная статья представляет собой попытку продвижения в указанном направлении и имеет целью выявление некоторых особенностей эволюции цсл. языковой системы, проистекающих из специфики функционирования цсл. языка.

Для осуществления этой задачи нам прежде всего потребуется рассмотреть две бинарные оппозиции.

1. Первичная и вторичная нормы. Первая из этих оппозиций – противопоставление *первичной (естественной)* и *вторичной (искусственной) нормы*, вводимое Б. А. Успенским в его «Истории русского литературного языка». Под первичной подразумевается норма, усваиваемая «в процессе овладения естественной (разговорной) речью», под вторичной – норма, накладываемая на первичную и усваиваемая в процессе специального обучения ([Успенский 1988: 7]). Вводя данные термины как общетеоретические, Успенский не выявляет специфику соотношения двух норм в рамках цсл. языка. Можно предположить, что с точки зрения исследователя в ситуации диглоссии первичная норма соотносится с разговорным языком, в то время как вторичная – с литературным. Однако в современной языковой ситуации⁸ картина меняется: русский язык обладает обеими нормами; что же касается цсл. языка, то применительно к нему бессмысленно говорить о естественной норме, поскольку, как уже отмечалось, этот язык не обслуживает сферу межличностной коммуникации. Таким образом, церковнославянский язык может характеризоваться не более чем одной нормой, которая к тому же в современном цсл. языке не является кодифицированной, а извлекается из текстов. При этом набор авторитетных текстов, а также степень их освоения для каждого продуцента, редактора и реципиента являются различными.

2. Актуальная и потенциальная системы. Вторая оппозиция – это

⁸ В настоящее время функционирование цсл. языка следует признать малозначимым для российского общества в целом, однако для определенных социальных групп значение этого языка весьма велико. Дискуссии начала XX в. ([Балашов 2001]) и его конца (см. [ЯЦ, 1–2]; [Людоговский 2000]) о возможности перевода богослужения на русский язык показывают, что значительной частью православных носителей русского языка цсл. и русский по-прежнему остаются взаимно непереводаемыми (см., напр., [БЯ 1999]), – а значит, налицо важнейший признак диглоссии ([Успенский 1988: 21]). Однако, в отличие от «классической» ситуации диглоссии, русский язык обладает кодификацией, этому языку специально обучают, в то время как цсл. не обладает кодифицированной нормой и изучается далеко не всеми его «пользователями».

актуальная и потенциальная языковые системы. Актуальную систему можно определить как систему, пропущенную через фильтр первичной нормы. Соответственно, потенциальная система – это, так сказать, система до первичной нормы.

Актуальная система содержится, как принято говорить, у нас «в головах» и реализуется в продуцируемых (устных или письменных) текстах. Располагая достаточно большим корпусом текстов на данном языке, мы можем получить более или менее адекватное представление об этой системе. И наоборот: имея адекватное описание системы, мы можем построить сколь угодно большое число текстов на данном языке. Таким образом, актуальная система и узус (совокупность текстов) представляют собой две интерпретации, две картины одного явления, которые, в соответствии с методологическим принципом дополнительности ([Овчинников 1996: 73–82]), не исключают друг друга, но позволяют получить более полное представление об исследуемом объекте⁹.

Наряду с актуальной имеет смысл рассматривать потенциальную систему. Потенциальная система может быть определена как актуальная система, в которой механизмы аналогического выравнивания последовательно, до конца провели все возможные изменения. Далеко не все элементы этой системы реализуются в текстах; в некотором смысле потенциальная система включает в себя актуальную. Представление о потенциальной системе можно получить из детской речи (ср. [Успенский 1988: 7]). Ребенок довольно рано усваивает потенциальную систему (то, как *можно было бы* говорить), но в течение длительного времени овладевает актуальной системой (тем, как *на самом деле* говорят). Отсюда такие, например, абсолютно «правильные» (системные), но совершенно неупотребительные в речи взрослых (ненормативные) формы *покупец* (по аналогии с *продавец*) и *продаватель* (по аналогии с *покупатель*). Переход от потенциальной системы к актуальной осуществляется благодаря межличностной коммуникации, в ходе которой происходит частичная нивелировка идиолектов: из всего того, что в принципе возможно в языке, индивидуум, чтобы быть понятым, вынужден отбирать лишь то, что реально используется. При отсутствии же межличностной коммуникации языку несвойственна первичная норма и, следовательно, потенциальная и актуальная системы не противопоставлены. Точнее: при отсутствии заслона в виде первичной нормы и при отсутствии внешней принудительной силы в виде вторичной кодифици-

⁹ Ср. соотношение волновых и корпускулярных свойств материи в квантовой картине мира: например, электрон – это и волна, у которой есть определенная длина, и частица, обладающая некоторой массой.

в настоящее время не существует общепринятого церковного чтения. Основной принцип, противопоставляющий это чтение обычному литературному произношению, заключается в требовании «читать, как написано»¹². Однако разными чтецами он реализуется непоследовательно и не в равной мере. В связи с этим возможны варианты: *Отца́* [ацá] / [оц:á] / [от^вцá]; ср. также: *Едѣмъ* [јед'ѣм] / [јид'ѣм] / [эдѣм] / [идѣм]. Что же касается рекомендации читать *з*-фрикативное (в противоположность *з*-взрывному в русском литературном произношении), то она также выполняется крайне непоследовательно; по нашим наблюдениям, *з*-взрывное в церковном чтении преобладает (точнее, преобладает тот способ реализации этой фонемы, который обычен для повседневного произношения того или иного репродукента).

3.3. *Морфология*. Фонемный состав морфем во многих случаях неустойчив, ср.: *бѣжаѡ* / *бѣжаѡ*; *Цѣлика* / *ѡжника*¹³; *людеѡ* / *людѡ*; *ѡвѣ* / *ѡвѣ*; *Овѣнникъ* / *Овѣнникъ*; *пѣчель* / *пѣчель* и др.

3.4. *Морфология*. Здесь, а особенно в системе именного склонения, наличие двух вариантов – явление заурядное; нередки случаи, когда для одной граммемы имеются три варианта, иногда – четыре. Приведем примеры. От слова *цáрь* дат. ед. может быть *цáрью* и *цáрью*, предл. ед. *ѡ цáрьи* и *ѡ цáрьѣ*, им. мн. *цáрьи* и *цáрьѣ*, вин. мн. *цáрьи* и *цáрьѣи*, тв. мн. *цáрьи* и *цáрьми*. От слова *грѣхъ* тв. мн. может быть *грѣхъи*, *грѣхъми* и *грѣхъми*. Для слова *конѣцъ* в род. мн. также засвидетельствованы три варианта: *ко-неца*, *концева* и *концеѡ*. Столько же вариантов имеет в дат. ед. слово *дѣнь*: *днѡ*, *днѣю* и *днѡ*. Им. мн. от *Учѣтель* может быть *Учѣтеле*, *Учѣтели* и *Учѣтели*; в вин. мн. от слова *ѡрѣи* можно ожидать *ѡрѣи*, *ѡрѣи* и *ѡрѣи* (с морфологическим вариантом *ѡрѣи*). Для прилагательного *рѣсѣи* в дат. ед. ж. р. возможны два варианта – *рѣсѣи* и *рѣсѣи*¹⁴. Следует подчеркнуть, что данные морфологические варианты никак не дифференцированы семантически. Можно привести примеры, когда два

¹² Ср. в грамматике иеромонаха Алипия (Гамановича): «Читать должно так, как написано, т. е. не должно о произносить как а, е как ѣ, —ду как да, —бу как оа, как это произносится в русском языке; нужно читать: *Отца́*, а не “аца”; *рѣдѣннаго*, а не “раждѣннава”» [Алипий 1991: 23].

¹³ В Лк 1: 36 употреблена форма *ѡжника*, а чуть ниже, буквально на соседней странице, – Лк 1: 58 – *ѡжники*. И эти формы удерживаются на своих местах во всех известных нам современных изданиях Евангелия (и в четьем, и служебном тексте), несмотря на наличие многочисленных разночтений между этими изданиями.

¹⁴ Можно предположить, что при наличии двух и более морфологических вариантов один из них обычно оценивается редакторами как более правильный (исторически закономерный), в то время как другой (другие), обязанные своим появлением либо эволюционным процессам в самом цел., либо влиянию русского языка, рассматриваются как допустимые, факультативные.

38))¹⁵.

4. Специфика эволюции цсл. языка. Чем же объясняется столь широкая вариативность, свойственная цсл. языку? Каковы перспективы существования этих вариантов?

1) Поскольку потенциальная и актуальная системы не противопоставлены, в тексты свободно могут проникать все новые и новые – заведомо избыточные – языковые элементы.

2) Поскольку естественная норма, как было показано выше, у цсл. языка отсутствует, варианты не элиминируются и не дифференцируются семантически естественным образом.

3) Поскольку в настоящее время норма не кодифицирована, а извлекается из текстов, невозможно устранение избыточных вариантов «волевым решением». А так как, во-первых, круг текстов, из которых может быть извлечена норма, в настоящее время неочевиден и, во-вторых, обучение цсл. языку не имеет единообразного характера, то и на уровне искусственной нормы, единственно возможной для цсл. языка, не происходит элиминации и / или дифференциации вариантов.

4) Поскольку к цсл. языку неприменимо понятие высокого / низкого стиля¹⁶, невозможно придание вариантам стилистической нагрузки подобного рода.

5) Наконец, поскольку во время богослужения соплагаются церковнославянские тексты разных эпох, а воспринимаются при этом они как единое целое¹⁷, невозможно говорить о новых и устаревших элементах: «экзотичность» той или иной языковой единицы может быть оценена лишь статистически.

Ввиду вышеперечисленных причин цсл. язык эволюционирует в сторону все большего усиления вариативности, причем источником вариантов является как сам цсл. язык (его потенциальная система), так и рус-

¹⁵ См. подробнее о конструкциях с ѣиѣ [Людоговский, Скорвид 1998: 140–145].

¹⁶ Принято считать, что носителями русского языка все цсл. тексты воспринимаются как относящиеся к высокому стилю. Между тем даже если это верно, данное обстоятельство еще не означает совершенного отсутствия у цсл. языка внутренней стилистической дифференциации. Цсл. тексты относятся к весьма различным жанрам, следовательно, вполне естественно ожидать различий в области лексики, синтаксиса и проч. Ср. хотя бы стиль служб Октоиха, Триоди или Минеи и сопровождающего их метатекста. Однако подобные стилистические различия, по всей видимости, все же не приводят к дифференциации орфографических, морфологических, словообразовательных и др. вариантов.

¹⁷ О совокупности цсл. богослужебных текстов как гипертексте см. [Людоговский 2003, 55–94]; [Людоговский 2003а, 7–9].

ский язык, который оказывает на него постоянное влияние¹⁸. Впрочем, парадокс заключается в том, что бесконтрольное, стихийное развитие цсл. языка в одни эпохи сменяется активным внешним нормализующим воздействием на него в другие; можно предположить, что смена эпох соотносится с чередованием периодов централизации и децентрализации в истории цсл. языка ([Толстой 1988: 47–48]). Централизация церковного книгоиздательства в СССР в 1940–1980 гг. (см. [Кравецкий, Плетнева 2001: 224–226]) сменилась децентрализацией в 1990-е гг. С началом нынешнего десятилетия наблюдается тенденция к новой централизации, в связи с чем можно ожидать появления нормативных руководств, призванных способствовать дифференциации вариантов или устранению избыточных языковых элементов. Первым шагом на этом пути мог бы стать нормативный орфографический словарь цсл. языка.

Л и т е р а т у р а

- Алипий 1991 – *Алипий (Гаманович), иером.* Грамматика церковно-славянского языка. М., 1991.
- Балашов 2001 – *Балашов Н. В., прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001.
- БЯ 1999 – Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. М., 1999.
- Верещагин 1997 – *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997.
- Евангелие 1912 – Святое Евангелие. М., 1912. (Репр.)
- Иванов 1989 – *Иванов В. В.* Мертвые языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1989.
- Конецкая 1997 – *Конецкая В. П.* Социология коммуникации. М., 1997.
- Кравецкий, Плетнева 2001 – *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М., 2001.
- Кузьмина 2000 – Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подгот. текста, научн. коммент. Е. А. Кузьминой. М., 2000.
- Людоговский 1999 – *Людоговский Ф. Б.* Язык и метаязык // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5.
- Людоговский 2000 – *Людоговский Ф. Б.* Графическая оболочка современного церковнославянского языка // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2000 г. М., 2000.

¹⁸ В частности, многие цсл. богослужебные тексты издаются в русской графике. О проблемах, связанных с этим явлением, см. [Людоговский 2000]; [Людоговский 2003, 48–53].

- Людоговский 2003 – *Людоговский Ф. Б.* Состав, структура и функционирование корпуса современных церковнославянских богослужебных текстов: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Людоговский 2003а – *Людоговский Ф. Б.* Состав, структура и функционирование корпуса современных церковнославянских богослужебных текстов: Автореферат ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Людоговский 2003б – *Людоговский Ф. Б.* Современный церковнославянский минейный корпус // Лингвистическое источниковедение. 2002. М., 2003.
- Людоговский 2003в – *Людоговский Ф. Б.* Современный церковнославянский язык: обоснование существования и определение понятия // Славянский вестник. Вып. 1. М., 2003.
- Людоговский 2004 – *Людоговский Ф. Б.* Церковнославянский акафист как современный гимнографический жанр: структура, адресация и функционирование // Славяноведение. 2004. № 2.
- Людоговский, Скорвид 1998 – *Людоговский Ф. Б., Скорвид С. С. И нже съ нми* // Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова. М., 1998.
- Новый Завет 1910 – Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа на славянском и русском языках... СПб., 1910. (Репр. изд.: Монреаль, 1990).
- Овчинников 1996 – *Овчинников Н. Ф.* Принципы теоретизации знания. М., 1996.
- Пиккио 1995 – *Пиккио Р.* Церковнославянский язык // Вестник Моск ун-та. Серия 9. Филология. 1995. № 6.
- Соссюр 1999 – *Соссюр Ф. де* Курс общей лингвистики. М., 1999.
- Толстой 1988 – *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Успенский 1988 – *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Будапешт, 1988.
- ЯЦ 1–2 – Язык Церкви. Вып. 1–2. М., 1997.